

КАПЛИ СОЛНЦА В ХОЛОДНОЙ ВОДЕ

Что делать сегодня журналисту, чтобы быть нужным читателю? Научить читателя быть нужным.

К этой мысли я пришла только в апреле, а пока у меня не было этого простейшего знания, я болталась в ледяной проруби февральских событий и думала: ещё чуть-чуть и дальше уже будет невозможно. Утону, растекусь, погибну.

Но я выплыла и вынесла для себя несколько уроков. О них и будет этот текст

* * *

Начнем с того, что родом я из Одесской области, из маленького поселка городского типа, где евреи, молдаване, армяне, болгары, гагаузы, украинцы и русские поколениями жили бок о бок. Женили своих детей и провожали в последний путь стариков.

Провожали наших. И рождались наши. Все были свои.

Но Союз развалился, в бывших братских республиках загоралось то там, то здесь. Пошли слухи, что и у Украины с Россией дела в скором времени пойдут не очень. Нам тогда во все это не верилось, однако отец, военнослужащий, решил не испытывать судьбу — собрал в контейнер самое необходимое и в декабре 1995-го мы уехали на его родину, в Ростовскую область.

Мне, подростку, этот поступок казался глупым, обидным, неправильным: в Одессе я должна была

поступать в институт, там оставался мой любимый выпускной класс, КВН, литературные чтения и первая любовь, с которым мы никак не могли проститься — все рыдали и рыдали, уткнувшись друг в друга. Мокрые от слез куртки схватились на морозе и потрескивали.

Вернулась я спустя семь лет. Приехала в отпуск на молдавское вино и дружеские посиделки. Парень к тому времени отвалился, но в остальном все было хорошо. И уезжала я уже не с такой печалью: Одесса и Ростов — мама и папа, ночь на поезде, и снова можно шататься по Дерibasовской, есть рачков на Привозе и подслушивать смешные разговоры на пляже. Так что следующим летом, ну ладно, через лето, я снова буду там.

...Прошли годы. Потом еще годы. А потом случился февраль 2022-го. В личку полетели раскаленные письма одноклассников. Я задыхалась от слез и вопросов и не могла спать.

* * *

Месяц жила вниз головой. Читала новости, чередовала коньяк с успокоительным, опять читала новости. Нет, я, конечно, работала, но мы писали... Я даже не помню толком, что мы писали, потому что каждая планерка начиналась и заканчивалась растерянностью.

А потом мне позвонил бывший герой и попросил разместить в «АиФ-Ростов» текст с призывом помочь волонтерам на границе. Люди шли, и шли, и шли. Часто только в домашних вещах и тапочках. А на дворе ледяной март. Людям нужно было дать горячий чай, кому-то таблетку, кому-то перевязать рану.

Я собрала друзей, и мы поехали на границу Ростовской области с Новоазовском. И там, отработав ночную смену, встретив массу людей и выслушав с десяток историй, я вдруг почувствовала, что мне стало легче дышать. И это было нелогично — вокруг столько боли, что можно сойти с ума, а голова наоборот — встала на место.

Я поняла, что, если у нас нет возможности изменить большой мир, надо пытаться влиять на маленький — тот, что находится вокруг нас. И именно понимание, что хотя бы на этом небольшом участке рядовой человек может приносить пользу, определило все, что я стала делать дальше.

И то, что я стала писать дальше. Это же наша работа — писать.

С каждого выезда, поездки в ПВР, на пункты сбора гуманитарки привозила репортажи, где подтекст всегда был один: помогая другим, вы поможете себе — попробуйте хоть раз, и жить станет легче. На эти тексты откликались читатели. У меня появился новый круг информаторов.

Информаторы — слово казенное, холодное. На самом деле, у меня появились новые знакомые, которые часто становились героями следующих публикаций.

К примеру, старшая смены волонтеров команды «Неравнодушные» Ксения — у нее дома постоянно оставались люди, которые не могли сразу уехать в другие города — некоторые жили по несколько дней. Для меня, интроверта, такой поступок — геройство. Ксения работает так с апреля. Пришла в «Неравнодушные» как раз после моей публикации в «АиФ». Или наша координатор Даша — она стала

ездить с гуманитаркой в Мариуполь. Каждая поездка проходит по дороге, где совсем недавно прошли саперы. И это до сих пор очень опасно, но скольким людям она привезла лекарства! Недавно вот уехал с границы аргентинец Хуан — он, моряк, провел у нас полтора месяца, работал за двоих и обещал вернуться.

Вот об этих людях я и писала: не наступала себе на горло, не подбирала слова, поэтому тексты получались искренними и нужными. В конце мы рассказывали, как можно помочь, и помогающих становилось все больше.

Читатели писали и звонили: «мы выслали посылку с носками и шоколадом, и на душе стало легче», «мы сделали перевод», «а мы взяли отпуск и тоже скоро приедем к вам на помощь».

Эти письма показывали, что мы движемся правильно — не разжигаем, а помогаем. И учим начинать с себя.

* * *

Да, нужно признать, что мне как журналисту, как бы это цинично ни звучало — повезло. Я живу на приграничной территории. К нам, в Ростов-на-Дону, стекаются гуманитарные грузы со всей России, к нам едут добровольцы, врачи, спасатели, у нас все побережье Азовского моря усыпано санаториями и базами, где сегодня расположились пункты временного размещения беженцев.

Светлана Ломакина (справа) с благотворительницей из Казани Региной Ивановой, героиней репортажа из цикла для журнала «Нация» «Соль земли». Сентябрь, 2021 год

Волонтерская смена отряда «Неравнодушные» — это апрель, 2022 год

А что бы я делала, если бы жила на Севере, в Удмуртии или даже в Москве? Сейчас понимаю, что все то же: нашла бы волонтерское движение, переводила бы деньги, сортировала посылки и там, в этих добровольческих сообществах, тоже бы находила героев.

Все это было на первой ступени послефевральской жизни, а потом тема стала не такой актуальной и надо было искать что-то новое.

Что? Каплю солнца в холодной воде. **Я выбирала людей, которые делают этот мир лучше — на заводах, в хуторах и даже в своем подъезде.**

Главная задача — напомнить нашим читателям, что мир таков, каким мы его видим. И видеть его можно по-разному. Вот даже иностранцы могут обращаться сегодня из России с любовью. Именно так назывался наш проект с журналом «Нация», для которого я колесила по окрестностям и спрашивала у иностранцев: «Если вы остались, то, наверное, у вас есть на то весомые основания?»

И в девяноста процентах случаев они были. Причи-

на не только в семьях, учебе или бизнесе — эти люди полюбили нашу страну. Особенно мне запомнился один из первых героев, токарь с завода «Ростсельмаш» Майкл Игбоануго. Он рассказал, что впервые понял, что стал немножко русским, в марте 2022 года, когда в ответ на обидные слова в адрес России выдал такую тираду, которой сам от себя не ожидал.

Ему не стыдно быть немножко русским. А я гордилась, что он у нас такой.

Под текстом про Майкла люди писали: «Спасибо!» — им нужна была эта капля солнца в холодной воде.

* * *

Потом я подружилась с генеалогами, и в наших разговорах красной чертой проходила тема гражданской войны, которая расколола многие семьи. И поскольку я живу на Дону, стала собираться картотека практически шолоховских историй — брат против брата, отец против сына. И во всех этих историях мне было важно выделить главное, а оно в том, что спустя уже несколько де-

сятков лет семьи мало того, что помирились и воссоединились, они стали женить своих детей. У одного моего героя, школьного учителя, казака Чернышёва, вышло именно так: часть семьи были белыми, а часть красными. И теперь он, их потомок, восстанавливает их истории. Стараётся подходить к прошлому с холодным сердцем, но сердце у него все-таки болит, потому что в политике может быть что угодно, но брат должен оставаться братом. Об этом он говорит своим ученикам, а я уже с его слов рассказала читателям. И снова надеялась, что кто-то прочтет этот текст и перестанет рассказывать родителям или братьям и сестрам, как «правильно» думать. Потому что **мир в семье дороже любых политических убеждений и принципов.** Не сорься, не гневи, не враждуй — вот про это были истории.

* * *

Сегодня я плотно работаю с благотворительными фондами — пишу тексты для сборов. Собирать деньги для больных и стариков теперь куда труднее, чем раньше. Но помимо сборов есть еще один момент — этим людям, которые в одночасье лишились импортных лекарств, инвалидных колясок и расходных материалов, не просто хуже. Они балансируют между жизнью и смертью. И многие, к сожалению, уходят, так и не дождавшись лечения. Казалось бы, при чем тут капля солнца? Тексты же по большей части печальные. Но помимо проблем, я пытаюсь показать и другое — насколько стойкими бывают эти люди. **И наши завывания после чтения очередных разгонных новостей на фоне их проблем выглядят смешными.**

И на фоне проблем беженцев, которые месяцами живут в школьных спортзалах, тоже — смешны. И люди это считывают. И среди откликов я часто слышу: я думал, у меня все плохо, а нет, оказывается, все хорошо. И это «хорошо» надо ценить — пока оно еще есть, пока оно рядом.

* * *

А еще раньше я писала легкие рассказы: о любви, о бытовом волшебстве, о дорогах, которые ведут маленького человека к счастью. Сейчас с рассказами туго, потому что живу другим. Но люди все-таки пишут: верните нам ваше легкое, дайте вон то светлое, очень хочется прыгнуть в прошлую жизнь.

Вера — это то, что тоже помогает читателю. Мы много пишем и об этом. Снимок Светланы Ломакиной

Возможно когда-то я найду в себе силы и на рассказы. И журнал авиакомпании «Азимут» снова что-то мое напечатает и человек, который случайно прочтет во время полета про тайные желания продавщицы Зиночки или говорящую собаку лифтера Черноусова, напишет мне потом, что полет его, благодаря Зиночке и собаке, прошел нормально. И это будет еще одна капля солнца в холодной воде.

Что делать сегодня журналисту, чтобы быть нужным читателю? Быть нужным — не разжигать, а давать лучину, чтобы вместе вы вышли на верный путь. И этот путь никогда не тропа войны — этот путь всегда ведет только к миру.

&